Литература в школе

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-48-59

П.А. Гончаров

**Мичуринский государственный аграрный университет,
393760 г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация**

«Но страшно мне: изменишь облик Ты»: мотив подмены в поэме А.А. Блока «Двенадцать»

Аннотация. Целью исследования является определение генезиса, функции, семантики, путей эволюции характерного для поэзии А.А. Блока мотива подмены, его роли в сюжетно-композиционной структуре поэмы «Двенадцать», его соотнесенность с главными персонажами произведения, с образом России. В качестве методов исследования автором статьи избраны сравнительно-типологический, структурно-поэтический, мифопоэтический и биографический способы интерпретации произведения, позволяющие уточнить смыслы, связанные с мотивом подмены и главным женским образом поэмы. Отмечается, что мотив подмены предельно распространен в фольклоре и литературе, что он придает мистическое звучание текстам и героям произведений. Путем анализа и обобщения наиболее репрезентативных произведений поэта («Она молода и прекрасна была…», «Офелия в цветах, в уборе…», «Аметист», «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо…», «Русь», «Россия», «Новая Америка», «Двенадцать» и др.), статей и писем поэта установлено, что мотив подмены характерен для всего творчества Блока, что в поэме «Двенадцать» этот мотив особенно актуален и приобретает новые значения. Анализ образно-мотивной сферы «Двенадцати» производится как в контексте творчества самого Блока, так и с привлечением близкого и удаленного литературного контекста (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, А.И. Куприн, А.А. Ахматова, И. Северянин, Е.И. Замятин и др.). В композиции и сюжетостроении, в мотивной сфере «Двенадцати» мотив подмены служит для выражения чувств поэта, связанных с гибелью Катьки, с утратой традиционной России. Исследование мотива подмены открывает новые возможности для осмысления и истолкования трагедийных трансформаций и редукции образа Руси-Девы в лирике и поэме А.А. Блока.

Ключевые слова: А.А. Блок, поэма «Двенадцать», мотив подмены, эволюция женских образов у А.А. Блока, образ «девки-девочки» Катьки, трансформация образа России у А.А. Блока

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Гончаров А.П. «Но страшно мне: изменишь облик Ты»: мотив подмены в поэме А.А. Блока «Двенадцать» // Литература в школе. 2022. № 4. С. 48–59. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-48-59

© Гончаров П.А., 2022

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-48-59

P.A. Goncharov

**Michurinsk State Agrarian University,
Michurinsk, Tambov region, 393760, Russian Federation**

"But I am afraid: You will change your appearance": The motive of substitution in A. Blok's poem "The Twelve"

Abstract. The purpose of the study is to determine the genesis, function, and semantics of the ways of evolution of the motive of substitution – characteristic of A.A. Blok's poetry, its role in the plot-compositional structure of the poem "The Twelve", its correlation with the main characters of the work, with the image of Russia. As research methods, the author of the article has chosen comparative-typological, structural-poetic, mythopoetic and biographical methods of interpretation of a literary work. These methods allow one to clarify the meanings associated with the motive of substitution and the main female image of the poem. It is noted that the substitution motive is extremely common in folklore and literature, that it gives a mystical sound to the texts and heroes of works. By analyzing and generalizing the most representative works of the poet ("She is young and beautiful was...", "Ophelia in colors, in a headdress...", "Amethyst", "Anticipating You, As Years Go By...", "Rus", "Russia", "New America", "The Twelve", etc.), articles and letters by the poet, it has been found out that the motive of substitution is characteristic of all Blok's oeuvre, that this motive is especially relevant for the poem "The Twelve" and acquires new meanings. The analysis of the figurative-motivic sphere of "The Twelve" is carried out both in the context of the work of Blok's himself, and with the involvement of a close and distant literary context (N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky, A.I. Kuprin, A.A. Akhmatova, I. Severyanin, E.I. Zamyatin, etc.). In composition and plot-building, in the motivic sphere of "The Twelve", the motive of substitution serves to express the poet's feelings associated with the death of Katka, with the loss of traditional Russia. The study of the motive of substitution opens up new opportunities for understanding and interpreting the tragic transformations and reduction of the image of Russia – the Virgin in the lyrics and poem by A.A. Blok.

Key words: A.A. Blok, the novel in verse "The Twelve", the motive of substitution, female characters' arc in Blok's works, the image of a "whore-girl" Katka, transformation of the image of Russia in Blok's works

CITATION: Goncharov P.A. "But I am afraid: You will change your appearance": The motive of substitution in A. Blok's poem "The Twelve". *Literature at School*. 2022. No. 4. Pp. 48–59 (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-48-59

В своем объемном жизнеописании поэта В.И. Новиков вполне обоснованно пишет об А.А. Блоке: «Мир, в который он пришел, был женский мир. И таким остался до последнего дня. Женственность – и среда, и почва, и тема, и музыка» [8]. Но вполне очевиден и тот факт, что в поэме «Двенадцать» женская образность со смертью Петькиной «зазнобушки, чернобровушки» Катьки приобретает прощальный оттенок и трагический смысл. Да и в целом женские образы, изначально составлявшие одну из основ творчества поэта, иссякают, сходят на нет, как, впрочем, и все лирическое и лироэпическое творчество поэта. Близко знавший поэта К.И. Чуковский констатировал: «Его творческие силы иссякли» [13]. В.А. Сарычев справедливо отмечает, что после «Двенадцати» и «Скифов» Блок как поэт «замолчал, по сути дела, до последних дней своей жизни» [10, с. 304] и объясняет это, как и некоторые другие литературоведы, «разочарованием Блока в революции», но в том смысле, что она, едва начавшись, не достигла поставленных целей, так и »не принесла с собой горячо ожидаемой поэтом “новой жизни”» [Там же, с. 309].

Есть основания предполагать, что этот кризис заключительного этапа творчества поэта в значительной степени связан и с обозначенной в сюжете «Двенадцати» исчерпанностью, «затуханием» женских образов, их редукцией. Так случилось, что интерес современных интерпретаторов поэмы сосредоточился по большей части на ее мистическом финале [12]. Между тем основу сюжетной схемы поэмы составляет полный страстей «любовный треугольник», отношения между Петрухой, Ванькой и Катькой. Причем общепринятым является убеждение, что женские образы имеют у Блока явно выраженное символическое звучание. Именно поэтому главный женский образ поэмы нуждается в уточненном осмыслении.

При этом необходимо помнить, что вся целокупность женских образов у Блока изначально была далека от статики, тем более – от однозначности. Если представить себе траекторию их эволюции, то она начинается от романтического образа, стоящего за инициалами «К.С.М.», от символического образа Прекрасной Дамы, а заканчивается абрисным образом тех, кто в поэме «Двенадцать» на своем «собрании» решает проблему расценок за услуги «на время» и «на ночь», и образом «девки»-«девочки» Катьки. И это тоже обязывает обратиться к вопросу об истоках этого своеобразного «полиморфизма», о некоторых закономерностях эволюции женских образов.

Зрелая летами Ксения Садовская («К.М.С.» в текстах А. Блока), ставшая первой любимой женщиной юного Блока, а затем и юная «Офелия в цветах, в уборе...» – Любовь Менделеева – вряд ли хоть одной чертой внешности или нрава сопоставимы с главным женским образом поэмы «Двенадцать».

В связанном с Л.Д. Менделеевой стихотворении «Она молода и прекрасна была...» (1898) образ возлюбленной «мерцает» между «чистой мадонной» и фольклорным «лебедем», а сравнение «как зеркало речки спокойной, светла» помещает этот образ в рамки традиционного национального поэтического ландшафта. Женский образ «Стихов о Прекрасной Даме» эволюционирует от «К.С.М»

в сторону высокой мистики и куртуазности, практически отрываясь от его жизненной основы.

В посвященном «К.С.М.» стихотворении «Луна проснулась. Город шумный...» (1898) деталей зримого образа практически нет, есть только «наши речи» и «голос твой». В другом, связанном с «К.М.С.» стихотворении «Аметист» (1900), находим только «...отраженье / Ее ласкающих очей» [2, т. 1, с. 111]. В отличие от своих романтических предшественниц Катька из поэмы «Двенадцать» имеет вполне определенные и яркие портретные характеристики:

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

[Там же, с. 317]

А далее в тексте поэмы идут уточнения уже вполне интимного свойства: «царапина» «под грудью», «шрам» «на шее», «родинка пунцовая», «огневые» очи, «кружевное белье», – уточнения, характеризующие близость отношений Катьки и Петрухи. «Офицеры», «юнкерье», «солдатье» в качестве «друзей» Катьки характеризуют ее незавидный род занятий, социальный и нравственный статус. Но обращает на себя внимание то, что с главным женским образом «Двенадцати», с его сюжетной ситуацией неожиданной ошибки-подмены (стреляют в «буржуя» Ваньку, а попадают в Катьку) цикл «Стихов о Прекрасной Даме» сближает мотив «подмены», изначально наиболее четко выраженный поэтом в стихотворении «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (1901): «Но страшно мне: изменишь облик Ты, / И дерзкое возбудишь подозренье, / Сменив в конце привычные черты» [Там же, с. 143]. Для лирического героя стихотворения источник тоски лежит в страхе смены, измены, подмены невидимого, ослепляющего «лучезарностью» и любовью ее облика. В словаре В.И. Даля находим: «ОБЛИК м. оклад и черты лица, общность вида и выражения лица, физиономия». И далее: «Дела, а не слова обличают человека, показывают подлинное лицо и личность его» [5, т. 2, с. 596]. Как нам представляется, для Блока «облик» не сводится только к «чертам лица». «Облик», как и «лик» («Прекрасный лик горит любовью»), для поэта близок сущности, хотя и не равен ей. Мотив изменения облика, подмены оказывается у Блока предельно нагруженным смыслами.

Необходимо отметить, что под мотивами здесь имеются в виду обозначенные еще А.Н. Веселовским «неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки» [3, с. 301]. При этом «признаки общности и повторяемости» [Там же, с. 305] не менее значимы. Актуальным представляется и мнение В.Я. Проппа, который определил мотив как «неразлагаемую единицу повествования» [9, с. 15]. Именно в этом значении (первоэлемент, с помощью которого выстраивается структура произведения словесного искусства) понятие «мотив» и используется в данной статье.

Условимся и о значении понятия «подмена». У В.И. Даля находим: «подменять, подменить что чем, обманом или воровски заменить одну вещь другою, подложить одно замест другого; переменить, обменить скрытно, тайком». Здесь же в качестве примера читаем: «В лавках берегись подмену: приторгуешь хорошую вещь, а подсунут дрянь» [5, т. 3, с. 188].

Заметим здесь, что мотив подмены (умышленной или непреднамеренной) является достаточно активным в русском сказочном, былинном и песенном фольклоре (сюжеты о Белой Уточке, об Иване-царевиче и Сером Волке, о Василисе Премудрой и др.; былинные сюжеты о Ставре, о Садко; балладные сюжеты о солдате, увидевшем в дочери полное сходство с женой, и т.п.). Активен этот мотив и в русской литературе (А.С. Пушкин – «Сказка о царе Салтане», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Дубровский» и др.; Н.В. Гоголь – «Вий», «Мертвые души»; Е.И. Замятин – «Алатырь»; В.П. Астафьев – «Царь-рыба» и т.д.). Практически во всех случаях этот мотив, обыгранный в художественных произведениях, придает их сюжетам динамичность; загадочность и мистический ореол – их персонажам.

В стихотворениях второй половины 1900-х – начала 1910-х гг. женская образность приобретает у Блока ассоциативную связь с фольклорно-мифологической традицией («Русь», 1906). Русь предстает в образе таинственной девы, вызывающей мистический трепет лирического героя: «Ты и во сне необычайна. / Твоей одежды не коснусь. / Дремлю – и за дремотой тайна, / И в тайне – ты почиешь, Русь» [2, т. 1, с. 397]. По верному определению Андрея Белого, разошедшемуся затем во многих вариациях, «отображение Светлой Жены есть Россия для Блока» [1]. Заметим, что в цитируемом стихотворении Русь-«девушка» ассоциируется с разгулом демонических сил и стихий («ведьмы тешутся с чертями»). Образ Руси-«девушки» сближен здесь и с образом весны, волшебно одолевающей «злого друга» в лице зимы-смерти. Русь-дева в этой схватке оставляет за собой победу в виде «незапятнанной» «первоначальной чистоты».

Мотив возможной подмены в том числе и «первоначальной чистоты» явно сближает мифологическую образность Блока с Гоголем. При отъезде Чичикова из имения Ноздрева герою является неизвестная юная блондинка, испуганная внезапным происшествием «между лошадьми и кучерами» (на тройку Чичикова «наскакала коляска с шестериком коней»). Во внезапно случившейся «кутерьме» Чичиков успел разглядеть лицо случайно встреченной юной красавицы: «молоденькая, шестнадцатилетняя, с золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головке. Хорошенький овал лица ее круглился, как свеженькое яичко, и, подобно ему, белел какою-то прозрачною белизною». Далее Гоголь отмечает ее «испуг в открытых, остановившихся устах, на глазах слезы». Отметим здесь, что встреченная Чичиковым незнакомая красавица в воображении героя готова преобразиться (измениться) в нечто противоположное: «Из нее все можно сделать, она может быть чудо, а может выйти и дрянь, и выйдет дрянь» [4, с. 116–117]. Гоголь, герой его поэмы находит этому преображению вполне «натуралистическое» объяснение: «Вот пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетеньки» [Там же, с. 117]. Вряд ли Блок заимствует сам мотив подмены у Гоголя, ибо он и без Гоголя широко распространен в русской словесности. Скорее следует предположить, что Блок проникается созвучными Гоголю тревогой и страхом от возможности такого радикального «преображения» его «блондинки».

В образности блоковской поэзии происходит синтез высоких мистических и вполне земных деталей, рождение сложных и вполне символистски «зыбких», «мерцающих» (между страной и персонифицирующим ее «персонажем») образов. Среди них – образ, обладающий одновременно антропоморфными и пейзажно-ландшафтными чертами в стихотворении «Россия» (1908). «А ты все та же – лес да поле, / Да плат узорный до бровей» [2, т. 2, с. 97]. Значимыми для нашей темы являются сближения образа России с образом женщины, а также мотив «чародейского» обмана, подмены («Пускай заманит и обманет») и уверенности в их преодолении («Не пропадешь, не сгинешь ты»).

В статье «Дитя Гоголя» (1909), написанной вслед за стихотворением «Россия», Блок возводит «родословную» своей Руси-России к гоголевскому образу. После ряда цитат из произведений Гоголя о Руси Блок заключает: «Такая Россия явилась только в красоте, как в сказке, зримая духовным очам. Вслед за Гоголем снится она и нам» [Там же, т. 4, с. 132]. По сути дела, Блок в данном случае развивает мысль, высказанную еще в 1892 г. теоретиком символизма Д.С. Мережковским: «Сновидения, которые преследуют человечество, иногда повторяются из века в век, от поколения к поколению сопутствуют ему. Идею таких *символических характеров* никакими словами нельзя передать, ибо слова только определяют, ограничивают мысль, а символы выражают безграничную сторону мысли» [7]. Мотив сна, сновидения сопровождает многие образы Блока. Он оказывается активным в ранних стихотворениях («Пора забыться полным счастья сном…», «Мне снилась смерть любимого созданья…», «Мне снилась снова ты, в цветах на шумной сцене…» и др.). Не менее активными мотивы сновидения оказываются в «Незнакомке» («Иль это только снится мне?..»), в стихотворении «Русь» («Ты и во сне необычайна…»), в стихотворении «Сны» («И пора уснуть, да жалко…»). Трансформации образов сна, как известно, близки к метаморфозам мифологическим, где все оборачивается всем. Поэтика сна сближена с поэтикой сказочного превращения в блоковской балладе «Вспомнил я старую сказку…». Блоковский образ «первоначальной чистоты», подмененный «девочкой» Катькой, явлен поэтом в произведении, действие которого происходит во времени, соотносимом со сном и сновидением – поздним вечером: «Поздний вечер, / Пустеет улица».

Мотив «умышленной» подмены в стихотворении «Новая Америка» (1913) подан в нейтральном и позитивном контексте: «Там прикинешься ты богомольной, / Там старушкой прикинешься ты, / Глас молитвенный, звон колокольный, / За крестами – кресты, да кресты» [2, т. 2, с. 199]. В антропоморфном и метагеографическом облике России в этом стихотворении проступают не только знаковые социально-экономические основы новейшего исторического времени («Черный уголь – подземный мессия»), но и новые женские вполне приземленные черты: «Не монашеский лик и не постный / Под московским платочком цветным». Фабричные московские, «цветные» платочки здесь оказываются знаком и новой индустриальной цивилизации, и торжества новых, далеких от монашеской аскезы нравов. Тревога здесь готова уступить место волнующей

мечте, но источник этого нового оттенка чувства прежний – измененный «лик» России, персонифицированный с помощью образа женского:

На пустынном просторе, на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

[2, т. 2, с. 200]

В свое время Д.С. Мережковский, обобщая опыт русской литературной классики XIX в., предупреждал новое поколение поэтов: «Символы должны естественно и невольно выливаться из глубины действительности. Если же автор искусственно их придумывает, чтобы выразить какую-нибудь идею, они превращаются в мертвые аллегории, которые ничего, кроме отвращения, как все мертвое, не могут возбудить» [7]. Блоковская Катька «мертвой аллегорией» России, Руси не может быть уже потому, что она «выливается» из «действительности», но в еще большей мере – оттого, что связанный с ней мотив унижения обстоятельствами жизни женщины укоренен в русской литературе (от «Пригожей поварихи» и «Бедной Лизы» до Сони Мармеладовой, Катюши Масловой, до обитательниц купринской «Ямы»). В поэме А.А. Блока этот мотив дополнен органичным для поэта мотивом подмены.

Безусловно, главный женский образ поэмы «Двенадцать» необходимо рассматривать также и в контексте образности поэмы в целом, иначе толкование окажется оторванным от структуры поэмы, от значимых образов и деталей произведения. Его явление, преображение, приобретение им символических смыслов и его утрата «предсказаны», как мы и попытались проследить, предшествующим литературным процессом и предшествующим творчеством Блока, где женские образы приобретали все более и более земные, а затем и приземленные черты, но, что важно не в меньшей степени, – предварено сюжетно-фабульной схемой поэмы. Явление Катьки предварено «черным ветром», слепящей «вьюгой» (мифологическая деталь, традиционно – от Пушкина до Бунина – олицетворяющая темные силы), недоумевающей «старушкой», плачущей «барыней в каракуле». «Девка» Катька является вслед за определяющими на «собрании» себе цену уличными женщинами – горькая усмешка Блока в адрес рождающихся «институтов демократии» в революционной России.

В соответствии с толкованиями личных имен имя Екатерина связано с греческим понятием «katharon» – «чистота, благопристойность» [11, с. 284]. Воспитанный в традициях христианской культуры, Блок вряд ли не знал, что и в православии, и в католицизме почитаема святая великомученица Екатерина. Блоковская Катька ни разу не поименована Екатериной, в поэме присутствуют только просторечно-разговорные производные формы от полного имени. Блоковская Катька заменила, подменила собой Екатерину, а семантика чистоты и благопристойности оказалась подмененной, вытесненной противоположными смыслами.

Вопреки своей близости к женщинам падшим, Катька до времени пышет здоровьем: «толстоморденькая». Она не обделена, как уже отмечалось, характерными для ее рода занятий внешними отметинами. В эту «революционную» вьюжную ночь Катька – «девочка чужая»

для красногвардейцев, ибо Ванька в одночасье стал «буржуем», он «солдат» старой армии, и только поэтому, в отличие от красногвардейцев Петрухи, Андрюхи, «зачислен» ими в «буржуи». Здесь мотив подмены, смены облика распространяется с образа женского на образ маскулинный: магические чары разыгравшейся ночной «вьюги» и социальной бури оказываются всевластными, заразительными. «Ванюшка сам теперь богат... / Был Ванька наш, а стал солдат». Солдат старой, уходящей с исторической сцены русской армии воспринимается красногвардейцами, порожденными революцией, в качестве «буржуя». Рациональная причина «зачисления» в «буржуи» может находиться и в личных счетах Петрухи с Ванькой: облечь ревность в «классовые» одежды – означает в сложившихся обстоятельствах дать возможность помочь Петьке расправиться с соперником. Но рациональное («натуралистическое») оказывается у Блока подчиненным трансцендентному («романтическому»).

Характерно, что в 1919 г., анализируя постановку трагедии У. Шекспира «Отелло», Блок заявляет после слов о возможности «натуралистического подхода»: «нам нужен подход романтический» [2, т. 4, с. 366]. Говоря об истоках, причинах ненависти Яго к Отелло, Блок утверждает: «Причина кроется в том, что Яго не может действовать иначе, чем он действует, потому что не своею волей действует он <...> не в переносном смысле руководят действиями Яго темные силы; оттого, что мир устроен так, что не могут не выступить на сцену темные силы там, где началась мистерия; оттого, что на путях, уготованных Господу, не может не начаться дьявольская работа <...> Дьявол не может не будить хаоса» [Там же, т. 4, с. 368]. Это утверждение во многом объясняет истоки конфликта Ваньки и Петрухи, мотивы их поступков и мистически-трансцендентную («романтическую») суть случившейся на петроградской улице ошибки-подмены.

Политизированность – одна из характерных черт всей русской литературы XX в. Начиная с М. Горького и заканчивая А.И. Солженицыным, ее герои соотносят себя с каким-либо классом, сословием, партиями самых разных спектров – от социал-демократов до яростных противников «коммунистической тирании». Сам Блок в 1920 г. писал о том, что «...в поэме осталась капля политики. Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит все остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы; может быть, наконец, – кто знает! – она окажется бродилом, благодаря которому “Двенадцать” прочтут когда-нибудь в не наши времена» [Там же, т. 2, с. 377–378]. Для нас очевидно, что эта «капля» оказывается настолько «бродильной» в поэме, что делает ее одним из наиболее ярких произведений литературы этой эпохи, а некоторые ее образы и мотивы («буржуй», «собрание», подмена «буржуя» Ваньки Катькой, метаморфоза Катьки и др.) приобретают свойства, близкие к символам политических явлений и событий в России, а иногда и свойства образов-символов глобальных, геополитических – «ветер, ветер на всем Божьем свете».

Благодаря такой трансформации Катька в контексте образности поэмы, в ее политическом дискурсе

приближается к значению символа утраченной, погубленной, «подмененной» России: стреляли в «буржуя» Ваньку, а убили Катьку. Обобщая итоги и последствия нового распада исторической России, А.А. Зиновьев следующим образом, вероятно, памятуя о блоковской ошибке-подмене, выскажется об этих «неслыханных переменах» конца XX столетия: «...целились в коммунизм, а попали в Россию»[1].

В этом контексте блоковская Катька может быть истолкована как новый, неожиданный, полный «предвечного ужаса» и трагизма «лик» растоптанной и преданной, объятой «невиданными мятежами» России. В стихотворении 1914 г. «Грешить безбожно, беспробудно...» Блок следующем образом отозвался об одном из удаленных от парадности изображенных им «ликов» России: «Да, и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне» [2, т. 2, с. 234]. Эмоции, чувства, размышления, которые вызывает этот образ погибающей России, вероятно, служат в поэме своеобразным замещением трагедийного голоса и фигуры автора. «Все расхищено, продано, предано», – так оценит вслед за Блоком эту эпоху «голос» А.А. Ахматовой.

Символика образа оказывается активной настолько, что привносит символическое звучание в изображенную сюжетную ситуацию, в ведущий мотив поэмы – мотив подмены. «Ошибочная» гибель Катьки – кульминация сюжетно-композиционной схемы поэмы – в этом плане изображается в параллель гибели старой России в трагически тщетных попытках сберечь, сохранить ее традиционную духовную сущность. Доказательство заключено не только в сложившейся у Блока традиции изображать Россию в образе девы, женщины, но и в акцентировании в образе Катьки свойств «русскости». «Огневые очи», отсутствие рационального начала в поведении сближают Катьку с героинями Ф.М. Достоевского, с «Офелией в цветах, в уборе <...> в кудрях с безумием во взоре» самого Блока. Мотив безумия, семантически близкий мотиву неосознанной подмены, сближает романтический образ Блока конца 1890-х гг. с образом времени революции: в разгар антибуржуазной революции Катька «пошла» («безумие»!) с «буржуем».

Акцентирование свойств русскости очевидно и в подчеркнутом Блоком желании придать Катьке черты русской простонародной красавицы – «толстоморденькая». Это стремление поэта отразилось и в его пожеланиях Ю.П. Анненкову. 12 августа 1918 г. в письме к автору рисунков к «Двенадцати», комментируя их, Блок пишет о Катьке «с папироской»: «Это не Катька вовсе: Катька – здоровая, толстомордая, страстная, курносая русская девка: свежая, простая, добрая – здорово ругается, проливает слезы над романами, отчаянно целуется» [Там же, т. 6, с. 286].

Приверженность к «блуду» Катьки – один из маркеров и результатов случившейся подмены. «Катька с Ванькой занята», «керенки есть в чулке», «девочка» и «девка», «Катька-дура», «Эх, эх, попляши! / Больно ножки хороши!», «Эх, эх, освежи, / Спать с собою положи!» – все эти «понятия» и обороты восходят и к языку и фольклору петроградской улицы конца 1910-х гг., и к образам и ситуациям купринской «Ямы», увидевшей свет лишь четырьмя годами ранее блоковской поэмы.

[1] https://rusidea.org/10011

Однако в этой подмене присутствует и «натуралистический», объяснимый реалиями времени и социальной среды, и «романтический», трансцендентный смысл. Блок живет и пишет в эпоху не только «невиданных мятежей», но в эпоху, переходную от цивилизации традиционной, аграрной к урбанистической. Город диктует новые нравы, и эти нравы, проявившиеся в «эпоху войн и революций», ассоциируются в сознании поэта с явлениями апокалиптическими. Характеризуя образность произведения, В. Александров – один из участников обсуждения блоковской поэмы на страницах журнала «Знамя» – так интерпретировал произведение: «“Двенадцать” – апокалиптическая поэма, а потому, быть может, самое религиозное произведение Александра Блока» [12]. Но стоит вспомнить, что «Откровение Иоанна» ассоциирует падение нравов с падением Вавилона, а его приверженность греху олицетворена в образе блудницы: «...пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодействовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее»[2]. В этом смысле Катька, как и весь Петроград-Вавилон в изображении Блока, восходит к образу «великой блудницы».

Подтверждение нашего предположения находим и в контексте современной Блоку поэзии. По уточненной датировке [6] в одно время с Блоком, в 1918 г. А.А. Ахматова пишет:

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее...[3]

Этот апокалиптический смысл образа столицы, уподобленной опьяневшей блуднице, проецируется на образ Петрограда Блока, а вместе с этим и на Петькину «возлюбленную». Образ блудницы оказался предельно востребованным в поэзии этого времени настолько, что заявил о себе и в стихах достаточно далеких от Блока поэтов. В стихотворении И. Северянина «Кто же ты?» 1925 г. находим его вопрос, обращенный к «царству балагана» (так «король поэтов» именует охваченную революцией Россию): «Целый мир тебе дивится, / Все не может разгадать: / Ты – гулящая девица / Или Божья благодать?»[4]

Заметим здесь, что «блудница» в облике «гулящей девицы» оказывается здесь знаком не только греховного города, Вавилона или Петрограда, но уже всей «взвихренной» России, что сближает «политическую составляющую» во многом созвучных поэтических образов Блока и его современников.

А сам Блок в прозаическом фрагменте, озаглавленном «Что сейчас делать?» (1918), придает отраженной в поэме ситуации уже и глобальный смысл: «...той России, которая была, – нет и никогда уже не будет. Европы, которая была, нет и не будет <...> Мир вступил в новую эру. Та цивилизация, та государственность <...> – умерли. Они могут еще вернуться и существовать, но они

[2] https://ebible.org/russyn/REV18.htm

[3] https://rupoem.ru/axmatova/kogda-v-toske.aspx

[4] https://rustih.ru/igor-severyanin-kto-zhe-ty/

утратили бытие...» [2, т. 4, с. 264]. Здесь можно увидеть особенности геопоэтики, восприятия Блоком революции как конца старой эры, конца Рима и начала эры новой, подобной той, что началась с рождения Христа. Но в этом контексте погибшая на петроградской улице Катька становится образом, символический смысл которого связан не только с утраченной Россией.

Итак, широкое и варьированное использование органичного для творчества А.А. Блока мотива подмены оказалось предельно активным в композиции и сюжетостроении «Двенадцати». Исследование этого мотива открывает новые возможности для осмысления и истолкования трагедийных трансформаций образа Руси-Девы, трансформаций, завершившихся его полной редукцией.

Библиографический список

1. *Белый А.* Воспоминания о Блоке. URL: http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/belyj-vospominaniya-o-bloke/lyubov-i-rossiya.htm (дата обращения: 03.05.2022).
2. *Блок А.А.* Собрание сочинений: В 6 т. Л., 1980–1983.
3. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
4. *Гоголь Н.В.* Мертвые души. Поэма. М., 1980.
5. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978–1982.
6. *Иванова Е.В.* О текстологии и датировке одного стихотворения Ахматовой в связи с его историей // Русская литература. 2008. № 2. С. 159–172.
7. *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. URL: https://merezhkovsky.ru/doc/o-prichinakh-upadka-i-o-novykh-techeniyakh-sovremennoy-russkoy-literatury.html (дата обращения: 05.05.2022).
8. *Новиков В.И.* Александр Блок. М., 2010. URL: https://bookscafe.net/read/novikov_vladimir-aleksandr_blok-209109.html#p2 (дата обращения: 05.05.2022).
9. *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2001.
10. *Сарычев В.А.* Александр Блок: Творчество жизни. Воронеж, 2004.
11. *Суперанская А.В.* Словарь личных имен. М., 2005.
12. Финал «Двенадцати» – взгляд из 2000 года // Знамя. 2000. № 11. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2000/11/final-dvenadczati-vzglyad-iz-2000-goda.html (дата обращения: 05.05.2022).
13. *Чуковский К.И.* Александр Блок. URL: https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/sovremenniki/aleksandr-blok (дата обращения: 05.05.2022).

References

1. Bely A. Vospominaniya o Bloke [Memories of Blok]. URL: http://blok.lit-info.ru/blok/vosp/belyj-vospominaniya-o-bloke/lyubov-i-rossiya.htm
2. Blok A.A. Sobranie sochinenii: V 6 t. [Collected works in 6 vols.]. Leningrad, 1980–1983.
3. Veselovsky A.N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. Moscow, 1989.
4. Gogol N.V. Mertvye dushi [Dead souls]. Moscow, 1980.
5. Dal V.I. Slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 vols.]. Moscow, 1978–1982.
6. Ivanova E.V. About the textology and dating of one poem by Akhmatova in connection with its history. *Russian Literature*. 2008. No. 2. Pp. 159–172. (In Rus.)
7. Merezhkovsky D.S. O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoj russkoj literatury [On the causes of the wane and new trends in modern Russian literature]. URL: https://merezhkovsky.ru/doc/o-prichinakh-upadka-i-o-novykh-techeniyakh-sovremennoy-russkoy-literatury.html
8. Novikov V.I. Aleksandr Blok [Alexander Blok]. Moscow, 2010. URL: https://bookscafe.net/read/novikov_vladimir-aleksandr_blok-209109.html#p2

9. Propp V.Ya. Morfologiya volshebnoj skazki [Morphology of a fairy tale]. Moscow, 2001.
10. Sarychev V.A. Aleksandr Blok: Tvorchestvo zhizni [Alexander Blok: Art of life]. Voronezh, 2004.
11. Superanskaya A.V. Slovar lichny'x imen [Dictionary of personal names]. Moscow, 2005.
12. The final of the "Twelve" – a look from 2000. *Znamya*. 2000. No. 11. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2000/11/final-dvenadczati-vzglyad-iz-2000-goda.html (In Rus.)
13. Chukovsky K.I. Aleksandr Blok [Alexancder Blok]. URL: https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/sovremenniki/aleksandr-blok

Статья поступила в редакцию 25.05.2022, принята к публикации 30.06.2022
The article was received on 25.05.2022, accepted for publication 30.06.2022

Сведения об авторе / About the author

Гончаров Петр Андреевич – доктор филологических наук; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Социально-педагогического института, Мичуринский государственный аграрный университет

Petr A. Goncharov – ScD in Philology; Professor at the Department of Social and Humanitarian disciplines, Social and Pedagogical Institute, Michurinsk State Agrarian University

E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru